

Россия — наше общее Отечество: к 866-летию города Воинской Славы

Перекресток дорог — это важно. Настолько, что всегда и везде требует к себе повышенного внимания. Помним богатырское присловье: «прямо пойдешь, ничего не найдешь, налево пойдешь, от жены огребешь...». Здесь же речь о вроде бы одном из бесчисленных провинциальных перекрестков, но накрепко связанном с большим — Киевским перекрестком (Большой Пространственной Чашей как части евразийской территории), повязанным в целостное единство. Из которого ничего ни убрать, ни добавить. Хотя бы потому, что Десна заканчивается у Киева, а вот начинается у этого ельнинского пространственного дорожного пересечения. Внимательней присмотреться именно к нему побудили несколько причин. В

Прежде, чем потянуть нить размышлений, обратим внимание на название городка, собственно этноним Ельня. В начале прошлого века его смысл искали в слове елень — как места обитания оленей. Поскольку с оленями здесь сложности — все больше лоси, кабань да зайцы. В конце концов в тройственном виде ввели елку в местный герб. Чего уж проще — впечатляет, но только, извините, бестолковостью. Поскольку не содержит в себе ни действия, ни характерной приметы. Языковеды такой подход обозначают понятием ложной этимологии. Это когда смысл легковесно выводится из фонетического созвучия, а оно при этом не имеет ничего общего с реальностью. Сравните: где-то по дороге на Чернигов встретил название поселка Тешин хутор. Все четко и внятно. Но селение Дуб или Елка, согласитесь, отдает бессмыслицей, поскольку, как говорится, не в речевой традиции. Общался как-то с французским тинэйджером, что в киевском спортивном лагере гонял мяч вместе со сверстниками. Спросил, откуда он? Ответил, что из провинциального французского местечка «La source gris de bois», то есть из Источника возле леса. Полная определенность. И так по всему миру. Это к тому, что толкование названия Ельни от елки из принятого общего подхода попросту выпадает. Тогда все же откуда оно, в чем смысл и есть ли он?

В поисках ответа не всё так уж и безнадежно. В украинской «мове» есть странноватое для нынешнего русского уха слово — їдальня в значении столовая. В фонетической огласовке современного русского языка, который ныне в меньшей степени зависим от тюркского, угорского, арабского и прочих своих пластов (впрочем, как смотреть), оно будет звучать как едальня, то есть место, где едят, перекусывают в стороне от домашнего очага. Приспособленное временем к общему языковому строю, оно и даст нам современный и чуть более привычный вид — ельню, что в не очень уж и далекой основе означает ту же столовую или в чуть расширенном понятии — место отдыха, стоянки, дневки, торгового обмена, починка (слово означает — исправить, сделать лучше), если в обобщенном виде — ельни. Понятно, что в таком подходе не настаиваю: хочу лишь намекнуть, что истина далеко не всегда сияет гранями алмаза. Чаще всего это всего лишь блеск стекляшки.

В пользу такого странного для нынешнего смоленского уха вывода и то известное обстоятельство, что этот этноним встречается не только в пределах днепропровского лесного края, но и за его пределами. Ведь еще есть Ельня — в виде селения и короткой речушки, что в паре, если не меньше, дневных переходов от Москвы, в названии белорусских мест, поселка где-то в низовьях Волги, отмеченного даже в давних письменных источниках. А сколько в Лету кануло? Так что наше суждение не так уж и наивно, как может сгоряча показаться местному патриоту. Но важнее всего то, что такой подход кныне широко известен смоленскому городку из деснянских верховий, внятней иных отвечает его кармической дорожной линии.

том числе книга «Россия в войне 1941-1945» британского корреспондента газеты «The Sunday Times», который под явным давлением своих русских корней (сын англичанина и русской эмигрантки) напишет, что «неделя, проведенная на Смоленщине, подействовала на меня в известной мере ободряюще, но в то же время оставила впечатление трагедии. Исторически, то была одна из стариннейших русских земель, чуть не самое сердце древней Руси...» (Александр Верт). Это самое «сердце древней Руси» и впечатлило. Возможно, потому, что сама схема смоленских земель, и ельнинской их части, так и выглядят — в виде сердечного очертания. Нисколько не сомневаюсь, что это не случайность. Об этом и поговорим.

Очерк русской геополитической истории

Ельнинский перекресток: между Востоком и Западом

Сегодня уже не очень привычно, но все же так не забыто, что река это тоже дорога.

Если оценивать современный ельнинский дорожный узел с исходных посылок, то нельзя не видеть того, что в основе его лежит перекресток из двухводных артерий — собственно Десны и волоочного перехода между ней и Днепром. Все остальные большаки-шляхи их прямая и закономерная производная — и современная на Починок — Смоленск, на Рославль — Брянск — Чернигов, заброшенный ныне большак на Вязьму и калужский Спас-Деменск. Все они, повторимся, производная речной составляющей.

Это к тому, что когда-то предположил — чисто умозрительно, что между двумя смоленскими городами — Дорогобужем у Днепра и Ельней в верховьях Десны, обязательно должна быть соединительная волоочно-дорожная система. В силу целого списка пространственных закономерностей. Долгое время информационные частности в систему не складывались. Но постепенно, шаг за шагом пазлы все-таки сложились в картинку.

Сначала обратил внимание, что правый приток небольшой речушки — сегодня уже почти ручья, с мало памятным названием Городчанка, что на северной городской окраине Ельни, удивляла следами давно и старательно окопанных своих берегов. Это означало долгое использование широтной речки в неких хозяйственных целях. Затем заявила о себе и сама цель — провод речных посудин в русло Десны.

Десна всего лишь километрах в трех-пяти от деревни Князеви, что находится ныне в черте Ельни, выводит к собственному истоку в так называемом урочище Голубев Мох. Вряд ли уже очень давно оно представляло не нынешнее болото, а череду разноразмерных озер, что позволяло вплавь, или почти вплавь, перебраться в иной речной бассейн — Волжско-Окский, и уже через него добраться и до Персии, и до Индии, то есть к основной транспортно-торговой ветке континента — собственно Шелковому пути. Следов таких перемещений и ныне достаточно. Разных — знаковых, культовых, языковых, даже растительных.

Что касается правого берега Десны. К этой же самой Князевке выводил волоочно-речной маршрут со стороны Днепра (условно — по линии современного шляха-большака Дорогобуж — Ельня), а к нему, в свою очередь, со стороны Балтии. В такой раскладке Ельня, несмотря на ее глубинную провинциальность, оказывалась важным опорным промежуточным звеном, чем и объясняется ее бурное прошлое по всей линейной его протяженности. И возник-

новением она обязана, еще раз напомним, ныне почти никем не поминаемой волоочно-речной дорожной широтной торгово-информационной линии.

Ее следы отчетливо улавливаются по так называемым городищам как местам родовых молений, по факту — прообразам будущих церквей, и множеству курганных групп на местности. Разная форма курганов — круглых, овальных, квадратных, наверняка были, или еще отыщутся, отсыпанные в виде свастик, змеек, иных знаков, свидетельствует в пользу весьма протяженной временной активности предка на конкретно этой межречной территории. Курганы и остатки собственно волоочно-речной системы легко отыскиваются по линии Дорогобуж — Болдино, Алексин — Кондраты, Ушаково — Богородицкое — Ельня, на отрезке в сорок километров.

Но отчетливей всего они улавливаются в местечке с показательным названием Волоочек. После смерти последнего своего обитателя в 1965 году, село списали с региональных карт. Как оно когда-то выглядело, можно представить по гравюру 18-19 вв. Отыскать следы селения на местности удалось не сразу — с насюда долгое время не получалось. Удалось лишь с помощью ельнинского поисковика Валерия Громова, военная судьба которого в свое время была определена нашим с братом отцом. Сам отец еще в период своей московской службы участвовал в очистке этого места от следов войны.

В свое время эту местность исследовал директор лучшего в мире профильного Питерского артиллерийского музея генерал-лейтенант Николай Ефимович Бранденбург (1839-1903). Краткие отчеты о его экспедициях сам видел в киевских архивах. Волоочек был темой научного интереса и историка А.Н.Лявданского. Это он первым заявил, что Десна и Угра в древности были судоходны от истоков.

Село известно и тем, что некогда считалось собственностью русского государственного деятеля Д.А.Шепелева (1676/1681-1759) — соратника царя Петра Алексеевича.

О Волочке известно и то, что именно здесь маршал Г.К.Жуков, после личного осмотра позиций войск, подписал приказ о начале знаменитого Ельнинского наступления сорок первого года. А вот о том, что меньшая по численности группировка советских сил разгромила большую — вермахтовскую, мало кто знает. Без преимущества в танках и авиации, без поддержки мороза. Половину фашистов уничтожили физически. Отборных, элитных частей.

Зато хорошо знаем, что на два месяца тем было задержано гитлеровское наступление на Москву. Два драгоценимых месяца. Здесь, в десяти-пятнадцати километрах от Ельни, цитируем, «силой своего огня — пулей, снарядом, гра-

Два пути по одному меридианному вектору. Один в низовьях Десны, другой в ее верховьях. Один перекресток со Степным широтным, второй — с условным Конопляным, и оба по факту дублируют друг друга. Вроде бы ничего общего, но событийная напряженность вполне сравнима, что не случайность, а скорее, перекрестная пространственно-дорожная закономерность, которая по причине насильственной замены элит амбициозными дуршлагами далеко не всегда осознанно учитывается властью при решении хозяйственных и оборонных проблем, но имеет глубинные связи. В том числе с тем, что произошло в 2014 году у устья Десны — в Киеве. В такой раскладке события четко воспринимаются как попытка осознанного расчленения помянутой Большой Пространственной Чаши Руси в ключевых точках ее крепеза. А сами бурные события у деснянского (ельнинского) истока, вроде бы дальние и давние, как свидетельство наглядной перекрестной значимости, и как ее — значимости, подтверждение. Одно из них. Есть и иные.

Но здесь важнее сказать: уже нельзя не видеть то, что давний ельнинский провинциализм — прямое следствие игнорирования — осознанного или неосознанного, собственно перекрестного фактора. Те громадные выгоды, которые он давал, целенаправленно использовались как угодно и где угодно, только не в центре их формирования. И сырьевые, и хозяйственные, и супермогучие интеллектуальные. Они уходили в Смоленск, Москву, Питер, куда угодно, только не задерживались на месте. И не забывали корней. Помним из великого, где, казалось бы, простенькое обруч с гениальным, и до боли трогательное:

Здравствуй,
пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня,
Здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...
(А.Т.Твардовский).

Но не было, и по-прежнему нет, механизма тормозов, то есть адекватного перераспределения — ума, сил, ресурсов. Хотя древний механизм как работал, так и поныне работает, разве что с большей степенью опосредованности. К тому же и организация местной власти, ее администрация также всегда была и остается нацеленной на такой подход — отдать, но мало что сделать. Отсюда и синдром этой провинциальности в самых беспомощных своих проявлениях. Лишь острейшие события времени напоминали о том, что на самом деле все сложнее и серьезнее. Намного.

Как кому-то не покажется странным, то же самое мы видим сегодня по Киеву как перекрестку, что сложился в закономерностях волны развития, которому к тому же осознанно помогали укрепить и использовать собственные пространственно-перекрестные выгоды, а с ними заодно и утвердиться в ложном выводе, о некой собственной исключительности. Дескать, сами с усами. А затем этих выгод лишили, выведя их из системы. Каким образом, кем и как значения не имеет. И все посыпалось трухой. Это как в часах, когда ломается ось или одно из ведущих звеньев. Отрицание самой себя не позволило и не позволило Украине Руси сложиться в некую искусственную украинскую государственность, которая может сложиться и процветать только в рамках единства. Что и проявлено с ошеломляющей очевидностью. Дальше только тупик, поиски из которого сегодня ведутся. Безлезненно и мучительно. Итог себя еще заявит.

Александр Маслов,
журналист, писатель.
Смоленская область,
май 2016 г.